

Паула Гальего - Все Темные Секреты

Переведено специально для группы

~**°•†Мир фэнтези†•°**~

<http://vk.com/club43447162>

Оригинальное название: Todas las criaturas oscuras

Автор: Paula Gallego / Паула Гальего

Серии: Gaueko #1.5 / Гауэко #1.5

Перевод: nasya29

Редактор: nasya29

Паула Гальего - Все Темные Секреты **Paula Gallego - Todos los secretos oscuros**

Аннотация

Не пропустите этот эксклюзивный рассказ из вселенной «Все тёмные создания» — новой романтической саги в жанре фэнтези от Паулы Гальего... Готовы узнать больше о Лире Алие?

Лира Алиа была рождена, чтобы заменить принцессу. Теперь же она не более чем Дана, простая придворная дама, для которой Вороны готовят темные задания. Всё это произошло, потому что пташка украла её судьбу, а потом осмелилась поставить под угрозу всё, ради чего они обе были готовы отдать жизнь.

Две девушки, живущие лишь в воспоминаниях. Запретная магия. И разбитое сердце.

Возможно, пташка хранила свои секреты, но она была не единственной.

*Это для злодеек.
Пусть горит мир.*

Паула Гальего - Все Темные Секреты
Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Оглавление

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Крик.....	25

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Глава 1

Я всегда знала, что моя жизнь была взята взаймы.

Знала это в Ордене, каждый раз, когда сталкивалась с очередным безумным испытанием, когда мы доводили себя до голода или причиняли себе такие же раны, какие были у настоящей Лиры... и знаю это сейчас.

Сердце бешено стучит, ударяясь о ребра, пока я разворачиваю письмо и снова перечитываю.

Я часто задавалась вопросом, меняется ли этот орган, когда наши тела превращаются.

Я думала, что да. Была убеждена, что даже это должно быть иным.

Амита всегда говорила, что нет.

Я вспоминаю, как она прижималась к моей груди, к этому телу, которое не полностью принадлежало мне, шепотом считая удары моего сердца.

Один. Два... Три. Четыре... Пять. Шесть...

Она просила меня измениться, хотя нам запрещено было принимать другие формы, и я соглашалась, потому что ради нее была готова нарушить почти любое правило.

Затем она снова клала голову мне на грудь и, торжествуя, улыбалась.

«Видишь? Я узнаю этот ритм в любой форме... это сердце в любом теле».

Я хотела верить ей. Хотела всем сердцем.

Я вздрагиваю и решительно отгоняю этот образ из своих мыслей. Сейчас слишком опасно вспоминать об Амите, когда только что прочитала послание Воронов, и их приказ звучит в моей голове:

«Эрис не должен терять интерес к Лире. Мы надеемся, что ты сможешь снова завоевать его внимание».

Я бросаю письмо в огонь. Печать ворона мгновенно плавится и исчезает вместе с остальным листом, пока чернила Ордена растворяются.

Как личная служанка Лире, я никого не удивляю своим появлением в ее покоях. Маленькой птички здесь тоже нет. Она уверена, что никто не замечает, как она каждое утро ускользает, чтобы навестить своего капитана.

Абсурд.

Я беру одно из ее платьев и перевоплощаюсь, прежде чем надеть его.

Все это ради нее, ради ее безопасности и дерзости, ради которой мне приходится это делать.

Я смотрю в зеркало на туалетном столике, заканчивая одеваться, и понимаю, что этот облик — черные волнистые волосы, строгие зеленые глаза, красивая и беспощадная улыбка — ощущается мне ближе, чем маска Даны. Недаром я носила маску Лире почти десять лет.

Бедная Дана не почувствовала вкус яда в чае. Я выбрала яд серебряного паука, потому что любой другой, который вызвал бы кровотечение, был бы слишком заметен, а подвергать ее галлюцинациям от фиолетового гриба или страшным внутренним ожогам от морного плюща показалось мне жестокостью.

Я не хотела, чтобы она осознала, что умирает, и также не хотела, чтобы Вороны узнали, что я не пронзила ей сердце, как предписывает обычай. Поэтому я использовала токсин и молилась, чтобы тело убрали до того, как заметят почернение конечностей.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Никто не требовал от меня объяснений, так что, полагаю, я не ошиблась.

Я собираю волосы, оставляя еще более открытым щедрое декольте, и выхожу из покоев Лиры с одной-единственной целью: покои Эриса.

Когда я останавливаюсь перед дверью, до меня доносится громкий голос. Это он, кричит на кого-то, кто, судя по всему, не решается ответить. Раздается грохот, звук разбивающегося стекла, и снова слышны его яростные крики.

Спустя несколько мгновений понимаю, что это не прекратится, и поднимаю руку, чтобы постучать костяшками в дверь.

Делаю глубокий вдох.

Напоминаю себе, что это не впервые. Говорю себе, что хуже быть не может.

Меня встречает слуга. Он выглядит испуганным, и по его левой брови, рассеченной от края до края, стекает тонкая струйка крови, затекающая в глаз.

— Кто там?

Голос Эриса доносится с другой стороны. Авторитарный, холодный и хриплый; в его тоне ясно ощущается раздражение и опасное пренебрежение.

— Принцесса, ваше величество, — отвечает слуга.

Кровь стекает вниз, заставляя его прикрыть глаз. Рука, удерживающая дверь открытой, слегка дрожит, пока он решает, что будет более приличным — оставить все как есть или стереть кровь с помощью рукава.

Слышны нетерпеливые шаги, и мгновение спустя присутствие Эриса заполняет прихожую.

Не глядя на слугу, он грубо бросает:

— Вон.

И тот не теряет времени, чтобы объясняться, извиняться или поблагодарить за освобождение; настолько он испуган.

Эрис отступает в сторону, чтобы пропустить меня. На его светлых волосах тяжелая золотая корона с изображениями Львов и рубинами, которые под светом свечей кажутся грязными пятнами крови.

— Какой приятный сюрприз, — бормочет он, хотя выглядит не очень довольным. Я задаюсь вопросом, почему. — В прошлый раз ты сбежала, как напуганная мышь.

Ах, так вот в чем дело.

Пташка не осмелилась. Поэтому, вероятно, и было отправлено письмо. Поэтому хотят, чтобы я исправила эту проблему. Пожалуй, мне стоит снова поговорить с ней. Если она будет неосторожна, следующее послание может предписывать ее казнь.

— Я пришла, чтобы исправить ошибки, — отвечаю с улыбкой.

Проходя мимо, я слегка касаюсь его груди рукой, хотя он мог бы уступить дорогу. Он провожает меня прищуренным взглядом, пока я медленно и лениво шагаю по залу.

Эрис закрывает за собой дверь одной рукой, оставляя ее на ней какое-то время, наблюдая за мной, прежде чем направиться ко мне.

— Какие ошибки ты хочешь исправить? — спрашивает он.

Он ходит вокруг меня, а я позволяю ему думать, что я — добыча, бесцельно скользя по комнате, касаясь поверхности полок, ткани штор...

— Вам решать, ваше величество.

— Я думал, мы перели на «ты».

Я останавливаюсь. Улыбаюсь.

Невольная оплошность; но он слишком поглощен развитием событий, чтобы действительно беспокоиться о том, перешла я на «ты» или нет.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

— Еще одна ошибка. Прости, Эрис.

— Ты собиралась их исправить, не так ли? — с намеком говорит он. — И что ты планируешь сделать?

Я останавливаюсь рядом с дверным проемом, ведущим в спальню. Один взгляд на кровать, огромную, покрытую роскошными нежными простынями, вызывает во мне неприятный укол в животе.

В первую неделю после того, как я заменила Дану, мне пришла записка с той же вороньей печатью, и в ту ночь я должна была отправиться в королевский храм Уралура. Тогда не было шелковых простыней, только холодный алтарь, прижимающийся к моей коже.

Я оборачиваюсь к Эрису, прислоняясь спиной к дверному косяку. Обессиленно опускаюсь на него и дарю ему свою самую равнодушную улыбку.

Вдруг взгляд принца становится мрачнее, и через мгновение я напрягаюсь, чувствуя, как он приближается ко мне. Я с трудом удерживаю себя от того, чтобы не выдать себя, чтобы маска осталась на месте. Однако то, как он становится напротив меня, вторгаясь в мое пространство, и взгляд, которым он смотрит сверху вниз, заставляют меня чувствовать, будто раскаленный железный прут пронзает меня насквозь.

— В прошлый раз ты пришла с похожими намерениями, но в итоге ушла, а мне пришлось довольствоваться услугами служанки.

Мой желудок сжимается. Была ли у той девушки хоть малейшая возможность отказаться?

— Я не уйду, — обещаю я сладким голосом.

Эрис улыбается, но в его улыбке нет ничего дружелюбного; только ненасытный голод в том, как его губы изгибаются в усмешке. Он делает шаг вперед, пока я не ощущаю его грудь, прижатую к моей, и затем крепко захватывает мой подбородок. Его пальцы болезненно врезаются в мою кожу.

— О, нет. Конечно, ты не уйдешь, — мурлычет он. — На этот раз я не отпущу тебя.

Это должно бы звучать как вызов, но я не могу не уловить в его голосе нечто другое — мутную, тяжелую угрозу, которая ложится на кости, словно предвестие наказания.

Я пытаюсь улыбнуться, но, кажется, у меня не получается так, как я хотела. Если он это замечает, он списывает это на нервы или просто ему все равно.

Он кивает в сторону комнаты, и я заставляю себя двигаться.

Первый раз, когда я легла с мужчиной, было уже довольно давно, но я до сих пор помню ощущение на коже, ужасное прикосновение, горький привкус нежеланных поцелуев. Я убедила себя, что так и надо. Не было письма, которое говорило бы мне, что нужно сделать, ни прямых приказов. Это была моя собственная воля, мое неведение или слепота, что привело меня в постель к Алексу Алии, моему соратнику. Я знала, что нравлюсь ему, а если не я, то хотя бы мое тело, потому что раньше он уже успел украсть у пташки несколько поцелуев и нескромных ласк.

И когда я поняла, что начинаю испытывать к Амите что-то большее и приписала это своей любопытной природе, замешательству и неконтролируемому желанию, которое меня пугало, я взяла Алекса и привела его в свою постель.

Когда я рассказала об этом Амите — ведь мы рассказывали друг другу все, — она спросила с болью, понравилось ли мне, и я сказала правду. Сказала, что ненавидела каждую секунду; но даже тогда у меня не хватило смелости признаться, почему.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

В конце концов, мое само существование уже было грехом. Неужели магия Ворона, живущая во мне, развратила меня до такой степени, что я начала испытывать подобные чувства? Я не хотела даже думать об этом. Мысль о том, что я могу разочаровать Орден, пугала меня до дрожи.

Эрис входит следом за мной, и я останавливаюсь у туалетного столика с изогнутыми ножками и замысловатыми, перегруженными узорами. На нем стоят несколько забытых бокалов, два пустых и один наполовину полный. Прежде чем он успевает приблизиться, я поворачиваюсь к нему, облакачиваюсь бедром о столик и наклоняю голову.

— Разве не предложишь мне бокал?

Эрис цокает языком, и я замечаю, как он раздумывает, не отказать ли мне. Однако он смиряется, выходит из комнаты, и я слышу, как он заходит в соседнюю комнату, где, должно быть, стоят его напитки.

Когда он возвращается, то протягивает мне почти полный бокал. Я поднимаю бровь, но ничего не говорю. Думаю, выпью залпом и буду молиться, чтобы он подействовал поскорее.

— Тебе нужно набраться смелости для того, что мы собираемся сделать?

Ответ всплывает на моих губах, но я сдерживаюсь. Не знаю, какого ответа он ждет и какой хотел бы услышать. Поэтому я делаю глоток крепкого, пряного на вкус напитка и опускаю голову, будто сама мысль об этом меня смущает. Затем нежно улыбаюсь, выигрывая немного времени.

Узоры на ковре так же перегружены, как и остальная обстановка: десятки рычащих львов переплетаются в мозаику из изогнутых линий и изображений непропорциональных конечностей.

— Чего ты ждешь от этой ночи, Эрис? — наконец спрашиваю, осторожно нацупывая почву.

Он смотрит на меня пару секунд, а затем делает два шага назад и усаживается на синий бархатный пуфик у подножия кровати.

Хорошо. По крайней мере, он хочет говорить. У меня будет время подготовиться, и, если я разыграю свои карты правильно, возможно, смогу поставить некоторые границы. Возможно, ему хватит небольшой части меня. Может, несколько лестных слов и немного игры будут достаточны. Если я буду достаточно убедительна, возможно, ему даже не придется прикасаться ко мне.

— Я жду слишком многого, чтобы сделать это все за одну ночь.

Я сглатываю.

— Тогда начнем с чего-то простого, — предлагаю я, понижая голос, и осушаю бокал, прежде чем направиться к нему.

Это не будет хуже, чем то, что тебе пришлось сделать в храме, убеждаю себя.

Но не успеваю я сделать и двух шагов, как Эрис поднимает руку.

Его взгляд строг, когда он приказывает:

— Останься на месте.

Я хмурюсь, но подчиняюсь.

Его глаза с жадностью скользят по моему телу сверху вниз.

— Раздевайся, — требует он.

Я делаю глубокий вдох и медлю пару секунд, прежде чем ответить. Разорванные фрагменты воспоминаний всплывают передо мной под гнетом властного голоса. В те

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

моменты я была не готова. Я не знала того, что знаю сейчас. Поэтому я улыбаюсь и подхожу к нему, игнорируя его приказ.

Эрис хмурится, но я не останавливаюсь и оказываюсь перед ним, между его ногами, чуть склоняясь.

— А что, если я раздену тебя сама? — предлагаю я мягко.

Я едва успеваю расстегнуть пару пуговиц на его рубашке, как его рука грубо хватается меня за запястье, и резкость жеста пугает меня. Он не отпускает меня, поднимаясь на ноги, не ослабляя хватку. Выпрямившись, он возвышается надо мной, натягивая мою руку на себя.

— Я тебе что-то приказал.

Я сжимаю кулаки.

— Так все и будет? — спрашиваю, все еще мягко. — Ты будешь говорить, что хочешь, а я должна буду подчиняться?

Эрис приближает лицо к моему.

— Похоже, твой капитан слишком тебя балует.

Я собираюсь ответить, когда он внезапно отпускает меня и через мгновение резко хватается за шнуровку моего корсета, срывая ее с такой силой, что ткань трещит. Жест настолько резок, что я не могу сдержать вскрик, поднимая руки, чтобы поставить их, между нами. Это движение, однако, его раздражает, он тихо рычит, хватается меня за шею и с силой отбрасывает назад, пока моя голова не ударяется о столб кровати.

Глухая боль разливается по затылку, и напряжение пронизывает меня от макушки до пят. Его пальцы сжимают мне горло.

— Наверняка теперь ты жалеешь, что не приняла мое предложение рассказать, что тебе нравится.

— Эрис, ты причиняешь мне боль, — предупреждаю я, и, возможно, мой голос звучит слишком жестко для той роли, которую я должна исполнять, но страх мешает мне контролировать себя.

Эрис улыбается с наслаждением.

— Отлично, — отвечает он, и ледяной, вязкий страх разливается по моим венам, сковывая меня изнутри.

Он сжимает сильнее, так что воздух едва просачивается в мои легкие. Я открываю рот, пытаюсь вдохнуть, и в панике хватаюсь за его руку, чтобы ослабить хватку.

— Пожалуйста, — выдыхаю я едва слышно.

Я буду защищаться. Убью его, если потребуется.

Я знаю, что это в конечном итоге приведет к моей собственной смерти, но я не позволю ему избивать меня.

Я вонзаю ногти в его руку и уже готовлюсь нанести удар коленом, когда внезапно Эрис ослабляет хватку, и воздух возвращается в мои легкие. Его пальцы скользят по моему болезненному горлу почти нежным жестом.

Он снова толкает меня к столбу кровати.

— Не смей играть со мной, — предупреждает он. — И не вздумай мне больше перечить.

Страх пульсирует в моих висках, в каждом вдохе, в каждом ударе сердца... Но вместе с ним я ощущаю яростный поток гнева.

Я поднимаю голову и смело встречаю его взгляд.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

— Если еще раз тронешь меня, я уйду и больше никогда не вернусь в эти покои, — отвечаю я.

Эрис смотрит на меня секунду, две, три... Его взгляд темнеет, и темная жестокость окрашивает его лицо.

Я не успеваю даже заметить, как он двигается.

Он поднимает руку так быстро, что я не в силах остановить его. Даже если бы я использовала свои настоящие способности, а не Лиры, я не смогла бы его остановить. Таков он — быстр и беспощаден.

Это не пощечина. Я чувствую, как каждая его костяшка впивается в скулу. Боль острая, тянущая, пронизывающая — она только усиливается от внезапности и шока, когда я падаю на пол.

У меня нет времени встать. Резкий звон заполняет мои уши, и, вдруг, он снова хватает меня за шею, лишая возможности дышать. Он поднимает меня на ноги, разворачивает и с силой толкает к столбу.

Отвращение переплетается с болью и ужасом, когда я ощущаю, как его руки поднимают подол моего платья, касаясь, вторгаясь, исследуя без разрешения.

Я не думала об Амите в ту ночь у алтаря. Я не хотела осквернить ни одно из воспоминаний о ней в такие моменты, когда переживала что-то настолько ужасное.

Но сейчас я цепляюсь за каждую мысль о ней.

Я чувствую, как Эрис избавляется от моего белья. Слышу, как его ремень тихо позвякивает, когда он расстегивает его.

Я закрываю глаза и думаю о ней: о ее каштановых волосах, о ее карих глазах. Думаю о той улыбке, которую надеюсь снова увидеть однажды.

Может быть, может быть... в другой жизни. Это я сказала ей, когда мы прощались.

Вне Ордена, одних, нас ждал бы только костер.

Но огонь сейчас уже не кажется таким страшным; намного меньше, если бы после него я прожила бы хоть немного свободной. Сколько бы это длилось? Годы? Месяцы? Нас бы поймали за дни? Кто знает. Один единственный миг сейчас представляется мне, как мечта.

Возможно, думаю я, я была трусливой. Возможно, страх не дал мне увидеть, что даже одно мгновение стоило бы этого.

Но уже слишком поздно.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Глава 2

Амита мне улыбается.

У нее широкие губы, верхняя губа чуть тоньше нижней, а зубы — если она широко улыбается, как сейчас — слегка неровные, с крошечным промежутком между передними. Почти незаметным, но мне это нравится.

Она скользит рукой по моей щеке, и я понимаю, что она убирает волосы с моего лица. Мои волосы. Не Лиры, а настоящие. И тут я осознаю, что это сон.

Я цепляюсь за сон, за эту улыбку, за ощущение ее теплой ладони на моей коже. Амита смотрит на меня, словно я какое-то видение, что-то божественное, стоящее перед ней, и я узнаю этот взгляд, то выражение, которое однажды разожгло во мне что-то необъяснимое. Сон — это воспоминание; одно из лучших.

Амита только что показала мне, какая она на самом деле, и сказала, что хотела бы увидеть меня такой, какая я есть.

Я не дрогнула, когда нас травили в Ордене. Все Вороны, стремившиеся стать Лирой, подвергались испытаниям, мы сталкивались со смертью, но тогда я справилась с этим испытанием одна, без единой заминки. Я не дрогнула и тогда, когда меня держали взаперти и допрашивали днями, подозревая, что одна из нас напала на другую из-за соперничества.

Я встречалась с ужасами, и тем не менее, никогда не боялась так, как в тот момент, когда показала Амите, кто я на самом деле.

Затем она развеяла мой страх одной улыбкой.

И я просыпаюсь.

Свет приносит с собой давящее чувство в груди, словно что-то разрывается внутри. Я пытаюсь остаться во сне, продолжать пребывать в беспамятстве, в том царстве, где возможно всё: даже снова быть с Амитой.

Но свет настойчиво пробивается через занавески и ранит мои глаза, принося не умиротворение, а глубокий ужас. Сердце учащенно бьется, как только я открываю глаза, и самое худшее — что мне требуется несколько секунд, чтобы понять, почему.

Воспоминания о прошлой ночи с Эрисом обрушиваются на меня всей своей тяжестью; настолько, что я вынуждена встать и бежать в ванную, чтобы вырвать то небольшое, что осталось в желудке.

В зеркале я понимаю, что сейчас я не в облике Даны; и не в облике Лиры. Два серых миндалевидных глаза смотрят на меня, покрасневшие, с глубокими фиолетовыми кругами под ними.

Я редко менялась невольно. Был один случай, самый худший, когда настоящая Лира перестала есть из-за болезни, и нас тоже лишили пищи, чтобы наши тела испытали то же самое. Во время одной тренировки я упала в обморок и изменилась. Позже моя наставница, Алиа, наказала меня за то, что я потеряла контроль.

Я быстро возвращаюсь к облику Даны, в памяти вспыхивает тот ужас, та боль, смешанная с новым страхом.

Всё тело болит, и, когда я раздеваюсь, замечаю, что некоторые синяки уже начинают проступать: опухший, потемневший глаз, который будет трудно скрыть, разбитая и распухшая губа, фиолетовые следы на запястьях, на шее, на ребрах, на бедрах...

Паула Гальего - Все Темные Секреты

Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Я умываюсь, как могу, и, пока занимаюсь этим, думаю о том, чтобы предупредить пташку; показать ей, как выглядят теперь мое лицо и тело, чтобы она смогла скопировать их, и Эрис не заметил бы подмены. С трудом одеваюсь и обуваюсь, но так и не выхожу из комнаты. Останавливаюсь перед скромным туалетным столиком, перед плохо отполированным зеркалом, где мое отражение искажается в нескольких местах.

Я представляю себе, как рассказываю ей, что случилось, и в моих глазах загорается гнев, смесь ярости и беспомощности.

Всё могло бы сложиться иначе. Я могла бы показать ей записку, позволить ей самой заняться этим делом; но нет, я должна была взять всё в свои руки. Я должна была сама прийти в ту комнату.

Решаю не идти к ней.

Принимаю облик незнакомой женщины и спускаюсь на кухню как обычная служанка, чтобы добыть несколько ингредиентов для компресса, который бы облегчил боль от ударов, и для тоника с противозачаточным эффектом.

В течение нескольких дней я не выхожу из своей комнаты в образе Даны.

Днем я лежу в постели, дожидаясь, пока боль утихнет и следы исчезнут; когда же гнев вновь поднимается, я повторяю себе, что всё это ради Высшего Блага, и стараюсь избавиться от воспоминаний о прикосновениях Эриса. Но воспоминания атакуют меня, воспоминания о других приказах, других заданиях, и я пытаюсь их укротить, пытаюсь забыть.

По ночам я крадусь по тускло освещенным коридорам, мимо кухни, где всегда кто-то перешептывается, и через конюшни, которые в последнее время стали слишком людными, поскольку во дворец постоянно прибывают солдаты. Так я узнаю секреты, о которых, похоже, Воронам знать не положено.

С мятежами что-то не так. Они не кажутся единичными событиями, как пытается представить Эрис. Лишь слуги и несколько солдат, кажется, понимают, что спокойная покорность волков подошла к концу.

Я пишу письмо для Ордена. Хотя обмен сообщениями в обоих направлениях, когда идет замена личности, редкость, у меня есть способы передать его. Я знаю, что послания разносит мальчишка из кухни, который выполняет роль гонца и может свободно перемещаться.

Но письмо заканчивает свой путь в огне камина, и Вороны так и не получают предупреждение, потому что я не хочу его отправлять.

Я уже настрадалась из-за Ордена, из-за того самого Блага; того Блага, ради которого мы должны делать то, что делаем, ради которого мы обязаны отказываться от своих жизней, от своей любви. Но на этот раз гнев сильнее, опаснее. Я чувствую, как он укореняется внутри меня, извивается, царапая мне душу, вопрошая снова и снова: зачем, зачем, зачем... не давая мне покоя.

Я почти ничего не делаю, кроме как думаю, а когда засыпаю, мне снится Амита. Иногда мне снится Эрис, а в самых ужасных снах они оба появляются вместе. Амиту раскрывают, и Эрис приказывает сжечь её на костре. Именно он поджигает дрова, на которых она будет гореть, а я не могу двигаться, не могу кричать, не могу её спасти. Я заперта в своей маске, вынуждена смотреть и аплодировать, пока она умирает.

Вот почему, когда несколько дней спустя приходит новая записка с символом ворона, часть меня радуется приказу. Я устала думать, задавать себе вопросы и тонуть в воспоминаниях, которые уже никогда не вернутся.

Но, узнав свою миссию, я сразу меняю мнение.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Записка короткая, требовательная и не оставляет места для сомнений:

«Мир в королевстве Эрея зависит от того, чтобы солдат королевской гвардии Тристан умер в ближайшие часы. Яд не подходит».

Я быстро избавляюсь от записки и одеваюсь, чтобы скрыть следы побоев: длинные рукава и толстый слой грима, который, впрочем, не может замаскировать опухший и потемневший глаз.

У меня мало времени, чтобы подготовиться, собрать информацию о Тристане или узнать его слабости. У меня нет возможности задаться вопросом, что он сделал, чтобы заслужить смерть.

Я нахожу его и действую.

Мне нужно перехватить его во время обхода, сменив облик на безымянный: женщина, с которой я однажды столкнулась на Острове Воронов, — лицо, которого стражники не видели и не увидят больше никогда.

Во дворце царит суэта с тех пор, как Эрис вернулся после подавления одного из мятежей. Поэтому я стараюсь действовать быстро, чтобы не привлечь к себе лишних взглядов. Я ищу Тристана и нахожу его на патруле с товарищем, с которым он, похоже, делит какую-то шутку, которую они обсуждают вполголоса. Говорю уверенно:

— Солдат Тристан, ваше присутствие немедленно требуется в королевских покоях.

Я тут же поворачиваюсь, как будто даже не допускаю, что он может возразить.

— В покоях? Подождите! Кто требует моего присутствия? И кто вы?

Я оборачиваюсь, не замедляя шага, и выдавливаю натянутую улыбку.

— Его высочество, наследный принц Эрис, — отвечаю с напряжением, как будто это, само собой разумеется. — Меня послали, чтобы привести вас к нему.

Тристан хмурится. Он не двигается, и это вынуждает меня остановиться на несколько шагов от солдат. Несколько мгновений я думаю, что он не попадет в ловушку и мне придется убить его напарника тоже.

«Это были бы побочные жертвы», — подсказывает мне холодный, острый голос, натренированный до изнеможения, чтобы напоминать мне, зачем я это делаю.

Нет ничего важнее миссии: ни человеческие жизни, ни твоя собственная. Раньше это постоянно повторяла моя наставница. Теперь время и угрызения совести сделали этот голос моим собственным.

Скрестив руки на уровне бедер, я касаюсь пальцами лезвия кинжала, спрятанного под рукавом, словно тороплюсь и жду момента. Но Тристан вздыхает, оборачивается к другому солдату и тихо говорит:

— Интересно, что ему нужно в такой час?

— Иди, — советует тот. — Не зли его.

Тристан направляется вперед, я ослабляю хватку на кинжале, ощущая легкое облегчение, и веду его к одной из пустующих комнат для отдыха. Когда останавливаюсь и толкаю дверь, он ждет снаружи.

— Разве вы не сказали, что меня ждут в королевских покоях?

Я одаиваю его спокойной улыбкой.

— Проходите, пожалуйста.

Я держу для него дверь в темное помещение, и сердце начинает бешено колотиться, когда он подчиняется.

— Где он? — нетерпеливо спрашивает он.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

— В проходах, — уверенно отвечаю, кивая. — Пожалуйста, возле книжного шкафа.

Тристан раздраженно выдыхает и направляется в сторону, на которую я указываю, не обращая внимания на темноту.

Он доходит к двери, замаскированной под часть стены, и смотрит на нее с явным недовольством.

— Откройте, прошу вас, — мягко говорю я. — У вас получится быстрее, чем у меня.

Солдат снова вздыхает, громко и с явной неохотой, и пытается открыть тяжелую дверь.

— Это просто абсурд, — ворчит он, напрягаясь. — Если меня вызвал сам король, не понимаю, почему я должен пользоваться потайными ходами.

— Важно, чтобы обсуждаемое дело оставалось в строгом секрете, — шепчу я, стараясь казаться спокойной.

Сердце уже колотится так, что руки дрожат, и мне приходится держать их скрещенными, чтобы не выдать напряжения и не сорваться раньше времени.

Я жду, терпеливо, бесконечно долгие мгновения, пока он входит в проход и пытается найти факел, чтобы зажечь.

— Здесь слишком темно, — говорит он, не останавливаясь. — Вы хорошо знаете эти галереи? Без света здесь...

Я перестаю его слушать. Выдергиваю кинжал из-под рукава, крепко сжимаю его, подхожу на два шага ближе, не обращая внимания на боль в собственных ребрах, когда одной рукой хватаю его за плечо, а другой — вонзаю кинжал ему в бок.

Тристан издает сдавленный звук, смесь боли и удивления; но он — тренированный солдат, и инстинкт заставляет его реагировать. Он оборачивается ко мне, хватаясь за рукоять меча и почти успевает обнажить его, но я погружаю кинжал прямо в его грудь, целясь в сердце.

Его рука слабеет на мече, глаза распахиваются от осознания: он видит лицо своей убийцы... хотя это и не совсем так.

Моя рука дрожит, когда я смотрю, как он падает на пол, словно безжизненная кукла, словно остов пустой статуи. Я почти жду, что он разобьется на тысячи кусков гипса и мрамора, рассыплется в белую пыль, и когда этого не происходит, горькое, извращенное чувство разрывает мне грудь.

Я смотрю на него, лежащего там безжизненным, и думаю, что всего несколько минут назад он смеялся со своим товарищем. Если бы не я, он закончил бы свой обход и отправился бы спать. Возможно, его кто-то ждал в покоях, или он планировал выспаться до полудня. Его жизнь продолжалась бы, а это тело осталось бы полным возможностей, надежд, мечтаний... также боли и страха, но оно было бы живым, в конце концов.

Я опускаюсь на колени и меня рвет в угол комнаты.

«Нет ничего важнее миссии: ни человеческих жизней, ни твоей собственной», — повторяю я.

Это мой голос, и это голос моей наставницы, всех учителей Ордена, всех Воронов, что были моими соперниками.

Я выпрямляюсь, бросаю там окровавленный кинжал и выхожу из прохода, запирая в нем тело Тристана.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Глава 3

Я уже изменила облик, чтобы никто здесь не увидел лицо убийцы; но не успеваю стереть брызги крови с юбки, когда, после того как предупреждаю гонца Воронов о теле в проходах, меня перехватывает на пути к покоям другой слуга. Это главный управляющий.

— Наконец-то. — Он хватается за руку, и воспоминание о пальцах Эриса, впившихся в мою кожу, вызывает вспышку боли. — Мы вас искали. Нам нужна принцесса.

Он набрасывается на меня с той же настойчивостью, с которой я раньше подступила к Тристану. Толкает с тем же нетерпением. Но я не поддаюсь.

— Что случилось? — спрашиваю я, дружелюбно, но твердо. Я не могу отойти от роли Даны.

— Его высочество принц Эрис нуждается в ней. Я хотел вызвать её сам, но лучше, если это сделаете вы. Идемте. Поспешите.

Сухой, безумный смешок вырывается у меня из горла. Судьба, должно быть, обладает очень мрачным чувством юмора. Ситуация слишком похожа на ту отговорку, что я придумала всего несколько минут назад, чтобы увести Тристана.

— Мадемуазель, — укоряет меня слуга, багровея от гнева. — От чего вам так смешно?

Я качаю головой и быстро прихожу в себя.

— Простите. Сейчас же найду принцессу. Что мне ей сказать, когда она спросит? — поднимаю брови в доверительном жесте. — Уверена, она непременно спросит. Необычно, чтобы принц вызывал её в такой час и с таким нетерпением.

Слуга качает головой и кладет руки мне на плечи. Он должен быть очень нетерпелив, раз позволяет себе такие вольности по отношению к служанке принцессы.

— Ей не нужно знать, — отвечает он. — Это неважно для исполнения её обязанностей. Стражники уже идут к её покоям, чтобы сопроводить её.

— Стражники? — переспрашиваю, начиная двигаться.

— Прекратите задавать неуместные вопросы, — огрызается он, и я прекращаю.

Я высвобождаюсь из его рук и немного отстраняюсь.

— Хорошо, — говорю, притворяясь потрясенной. — Я потороплюсь.

Я быстро ухожу и, убедившись, что он не следует за мной, чтобы я могла выполнить задуманное, сворачиваю за угол и затаиваюсь. Через мгновение я пробираюсь в отделение для слуг.

То, что я собираюсь сделать, рискованно, но мне нужна информация, и то, что во дворце внезапно поднялась такая суматоха, работает мне на руку. Завтра никто не придаст значения смутному воспоминанию о человеке, который был замечен в двух разных одеждах, или несколькими быстрым разговорам среди хаоса.

Я ищу прачечную и краду одежду одного из молодых слуг моего роста. Затем принимаю облик управляющего, который не захотел мне ничего рассказать, убираю волосы под шапку и складываю запачканное кровью платье в сверток.

Я немного меньше его, не могу изобразить морщины, которые уже видны вокруг его глаз и рта, а грудь трудно скрыть даже под этой свободной одеждой, но мне и не нужно что-то изощренное; нужно просто правдоподобие на какое-то время.

На выходе останавливаю лакея, который мчится вверх по лестнице.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

— Эй, ты, вернись сюда.

Парень напрягается, услышав мой голос.

— Сэр, — здороваются он, запинаясь, — я собирался...

— Это может подождать. — Киваю ему, чтобы он спустился по ступенькам и подошел ближе. — Расскажи, что знаешь о происходящем.

— Сэр...?

— Эрис. Принцесса.

Парень качает головой, немного смущенный.

— Ничего нового с тех пор, как вернулись солдаты.

— Расскажи.

Он открывает рот, но затем снова его закрывает.

— Захватили капитана Нириду вместе с мятежниками, а капитан Кириан исчез. Говорят, он сражается на стороне Волков, и, учитывая, насколько близка принцесса была с обоими, наследник, похоже, задается вопросом, не замешана ли и она. — Он немного понижает голос. — Вы думаете, что она...?

У меня пропадает дыхание. С Волками?

Я выпускаю проклятие, которое удивляет парня.

— Простите меня. Я бы не осмелился намекнуть, что она предательница. Я только... — начинает он поспешно.

Я машу рукой, успокаивая его.

— Не беспокойся. Вопросы логичны, учитывая ситуацию, правда? Я сам тоже задавался этим. И не только сейчас. Если честно, уже несколько дней я слышу слухи.

Он моргает, немного сбитый с толку, и я даю ему время. Вижу, что он знает что-то еще — это видно по его испуганным глазам. Но он слишком боится начальника слуг, чтобы что-то рассказать, и уже давно смотрит мне прямо в лицо, на черты, которые не совсем идентичны лицу человека, который обычно отдает ему приказы.

Поэтому я протягиваю ему платье, которое держу в руках.

— Хорошо. Отнеси это вниз, выбрось вместе с мусором и потом возвращайся к своим обязанностям.

— С мусором?

— Убедитесь, что это выбросят, и никому не рассказывайте об этом.

— Да, сэр... — отвечает он неуверенно, принимая сверток.

— Между нами не было разговора этой ночью. В противном случае нашу беседу могут посчитать государственной изменой. Понимаете?

— Да... конечно.

Оставляю парня в растерянности и быстро скрываюсь. Времени мало, и мне нужно сделать еще несколько проверок.

Я бегу к покоям Даны и по пути говорю одной из девушек сообщить стражникам, которые, вероятно, уже добрались до комнаты Лиры, что они должны подождать, пока не придет Дана, и не входить без нее.

Принимаю облик Даны, но к пташке пока не иду. Сначала мне нужно провести еще пару встреч с другими служанками, с которыми я выстраивала сеть доверия эти дни, чтобы наконец наткнуться на нужную информацию, чтобы найти нить, за которую можно потянуть, и получить ответы на правильные вопросы.

— Солдаты говорят, что казненные мятежники кричали имя принцессы перед смертью.

— Как? Они что, ее проклинали? Это было оскорбление? — спрашиваю я.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Девушка качает головой.

— Это был боевой клич, мадемуазель, их призыв.

Черт. Черт. Черт.

— Понимаю, — отвечаю я с холодным спокойствием, которого не чувствую. — Спасибо.

Собираюсь уходить, и девушка колеблется, прежде чем отпустить меня.

— Вы знаете, неужели...?

— О, нет, — говорю я с улыбкой. — Принцесса ничего об этом не знает, уверяю вас.

Она кивает, но я не верю ни на мгновение, что ее устроил мой ответ. Дана бы солгала. Она сделала бы это, потому что, если принцессе перережут горло, следующей на смерть пойдет ее личная служанка.

К тому моменту, как я добираюсь до покоев Лиры, у дверей уже ждут два стражника, явно нетерпеливые.

— Одну минуту, господа, — любезно прошу их и делаю глубокий вдох.

Ситуация быстро выходит из-под контроля. Если все пойдет не так, Эрис может казнить пташку.

Стучу в дверь, возможно, слишком настойчиво, и громко говорю, чтобы меня слышали с другой стороны:

— Принцесса, наследник требует вашего присутствия.

Слышу шаги, и через мгновение дверь распахивается с силой. Пташка быстро оглядывает меня, её глаза расширяются, и на её лице появляется нечто, похожее на сострадание, выражение, которое ей наверняка редко доводилось показывать.

Она хватает меня за запястье и резко тянет внутрь, закрывая дверь за нами. Этот резкий рывок вызывает болезненный укол в моих рёбрах, и я невольно сгибаюсь.

Она замечает. Конечно, замечает. Она натренирована, как и я, улавливать даже мельчайшие изменения в движениях, в интонации голоса...

— Что ты натворила? — шипит она.

Я ненавижу этот её взгляд.

— Я сделала то, что считала нужным в тот момент.

Пташка сглатывает.

— А теперь? Что ты придумала?

Я открываю рот. Почти готова с яростью ответить, позволить чему-то темному, мрачному и искаженному подняться из моей груди, взобраться по рёбрам, обхватить мою гортань и вырваться наружу, превращаясь в ненависть.

Но я сдерживаюсь.

— Думаешь, мне это важно? — я указываю на своё лицо. — Ты ничего не знаешь, пташка. Ни обо мне, ни о своих друзьях. Ты вообще знаешь, зачем принц требует твоего присутствия?

Лицо Лиры бледнеет. Ей не всё равно. Похоже, она действительно заботится о них.

Глупая. Такая глупая, и... тем не менее, я понимаю её, и завидую ей до глубины души.

— Что случилось?

— Ты даже не догадываешься, да? Капитана Нириду арестовали за сговор с врагом.

— Где она?

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Она напугана. Проклятие. Её действительно охватывает страх, и внезапно выражение на её лице, которое я так часто видела в зеркале, напоминает мне, что когда-то и я боялась так же за Амиту, что я тоже дрожала от ужаса потерять её, зная, что её направляют далеко от Ордена; далеко от меня.

Мне становится трудно дышать.

— Её бросили в подземелье дворца, — отвечаю я, и вдруг осознаю нечто важное. Она так напугана... — Ты даже не хочешь спросить меня о своем капитане?

Её глаза расширяются ещё больше. Она сжимает кулаки, и её нижняя губа слегка дрожит. Она, должно быть, считает меня ужасным человеком. Что ж, пусть считает.

— Он...?

— Исчез. Ни следа от него. Когда арестовали Нириду, была объявлена тревога, и все ожидали увидеть его тоже среди мятежников, но его там не оказалось.

— Ты тоже не знаешь, где он, правда? — Она ждёт, пока я качаю головой, и затем на мгновение закрывает глаза. — Так и есть, ты ничего не знаешь... А чего хочет принц?

— Выяснить, что знаешь ты, полагаю. — Я показываю на своё лицо. — Хочешь повторить это?

— Он видел меня после встречи с тобой и лишь удивился, насколько хорошо были скрыты следы побоев.

Из меня вырывается смех, который слегка надламывает внутренние стены, заставляя их шататься, готовые рухнуть так же, как я готова была бы рухнуть вместе с ними.

Пташка сжимает губы.

— Трудно видеть в этом хоть каплю чести — во всём, что мы делаем, — произносит она с презрением.

Мои руки дрожат, ноги дрожат. Весь мой организм дрожит, пока что-то внутри меня борется с криком, что я тоже не вижу в этом никакой чести.

Тем не менее, она открывает дверь и уходит со стражниками, а я остаюсь одна в комнате, с тысячей мыслей, жужжащих в висках; с тысячей сожалений, упреков, вопросов...

Зачем, зачем, зачем...

Я жду, пока сердце успокоится, пока ноги снова смогут держать меня, и возвращаюсь в темные покои Даны, чтобы попытаться уснуть и перестать думать.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Глава 4

На этот раз в моем сне появляется Элиан. Он протягивает мне руку, чтобы помочь подняться так же, как это было после той пытки, которой меня подвергли за то, что я навредила другой претендентке на роль Лиры — пташке, которая тогда была его лучшей подругой.

Даже в этом ей повезло больше, чем мне. Ее наставник, Бреннан, был так же суров, как и моя наставница Алия, но, по крайней мере, у нее были товарищи: Алекс, который без ума от нее, хотя она этого и не замечала, и Элиан, который готов был оставить все, чтобы взять ее за руку и сидеть рядом, пока она снова не встанет на ноги.

Вот почему он сел тогда рядом со мной; потому что, когда я посмотрела на него с недоумением и не взяла его руку, он решил, что я не могу встать и просто сел ждать.

Он думал, что я — это она.

Я сразу не поняла этого, нам пришлось поговорить, пока его брови не вскинулись вверх, пока его голубые глаза не заморгали от удивления, чтобы осознать, что он ошибся: он не знал, с кем говорит.

Ты не знаешь, кто я, правда? — спросила я, с болью, которую на этот раз не старалась скрыть.

Теперь знаю, — ответил он. — Прости. Я спутал тебя со своей Лирой.

Я помню, как его слова застряли где-то в моей груди. Моя Лира. Я хотела быть чьей-то Лирой. Хотела, чтобы на меня смотрели так, как он смотрел на свою подругу.

Я не разозлилась. Я не возненавидела Лиру Бреннана еще сильнее. Я завидовала ей, да, но также поняла, что если кто-то может так сильно её любить, как Элиан, то в ней, возможно, есть что-то хорошее, что-то, чего, вероятно, нет во мне.

Может, именно поэтому я не ушла. Может, это была причина, по которой я не отослала его прочь. Я знала, что он остался со мной из жалости, из сожаления за то, что был добр, думая, что я — кто-то другой... Но мне было все равно. Я позволила ему сопровождать меня, задавать вопросы, шутить и пытаться вырвать у меня улыбку.

Так я обрела своего первого друга, если не считать Амиту, которая значила для меня гораздо больше.

В моем сне Элиан снова протягивает мне руку, и на этот раз я хочу взять её, хочу встать на ноги и сбежать отсюда, из липкой темноты, которая цепляется за мои лодыжки, царапает ноги и шепчет на ухо, что все это не имеет смысла.

Но я не могу двинуться. Моя рука не дотягивается до его, и Элиан исчезает во мраке, прежде чем я успеваю открыть глаза.

Сердце бьется как безумное.

Ужасное чувство сдавливает мне живот, и я поднимаюсь на ноги, едва удерживаясь от падения.

Что-то не так, что-то не так, что-то не так... повторяет голос в моей голове, и я не могу сделать ничего, кроме как добраться до ванной и вырвать ужин.

В зеркале я снова вижу свои собственные глаза; они смотрят на меня, как будто бросают вызов, и что-то внутри пульсирует яростно, отравляя мои вены, заполняя кровь гневом, который поглощает всё, пока я не поднимаю руку и не швыряю таз, которым пользовалась для умывания, в стену, разбивая его в осколки фарфора и бледную пыль.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Мгновенное чувство облегчения наполняет меня; облегчение, намного сильнее страха, который я обычно ощущаю, когда позволяю магии внутри меня течь свободно.

Впервые это произошло с Амитой.

Поцелуй, когда я наконец приняла, что этот наш секрет — единственное, что мне важно в мире, пробудил во мне что-то дремлющее.

Между поцелуями я перестала бояться, что мои чувства могут стать еще одной причиной отправить меня на костер. В тот день мы встретились в лесу, так далеко от Ордена, как только могли. Обе в своем настоящем обличье, сливаясь в поцелуе, который переходил за границы, которых мы раньше не пересекали. Амида держала мое лицо в своих ладонях, пока её руки не опустились вниз, скользнув вдоль моих боков, моих рук, моей талии и бедер, а затем её пальцы нерешительно дотянулись до центра моего тела и ниже. И в этот момент что-то осыпалось на нас.

Сначала это было легкое прикосновение, помеха, на которую мы не обратили внимания, потому что у нас было что-то более важное. Я подумала, что это могла быть потерянная листва, перо птицы, которую мы могли спугнуть. Но затем это ощущение, как будто мы оказались под теплым снегопадом, усилилось, и мы отстранились, открыли глаза и посмотрели вверх, чтобы увидеть, как на нас падают десятки сиреневых цветов.

Мы не поняли, что это значило. И нам было всё равно.

Потом это случилось снова, второй, третий раз. Не всегда это были цветы. Магия проявлялась по-разному: внезапный шторм, который утихал в одно мгновение, река, вода в которой неожиданно начинала бурлить, огонь, что разгорался без видимой причины... и всегда это происходило, когда мы были вместе.

Амида начала шутить, говоря, что когда мы рядом, то наделяем друг друга магией. Я делала вид, что эта сладкая идея мне немного противна, но втайне обожала её значение.

Со временем мы обе поняли, что магия действительно реальна и действительно наша; но она действовала не совсем так. Если всё происходило только тогда, когда мы были вместе, то лишь потому, что только тогда мы могли быть самими собой.

Я смотрю на осколки разбитого умывального таза на полу, подхожу к камину и позволяю магии зажечь огонь.

Ощущение, что я отпускаю магию, позволяю ей быть свободной, делает свободной и меня. Я наслаждаюсь этим спокойствием, ощущаю уютное тепло, наблюдая, как огонь рождается и горит.

И затем я вынуждаю себя вернуться в образ Даны.

Преображение причиняет мне боль. Это физическая, пронизывающая боль; острая, словно рана в груди, когда магия снова заперта и подавлена этим обличьем, которое мне не принадлежит.

Голоса, что вопрошают, зачем всё это, возвращаются, принося с собой воспоминание о последнем удушливом вздохе Тристана, о безнаказанности жреца и об ужасном прикосновении рук Эриса... и я сжимаю кулаки и смиряюсь.

Я заставляю эти голоса замолчать, раз за разом, и едва осознаю остальное. Заставляю себя ходить, есть, дышать. Заставляю себя продолжать жить, продолжать двигаться вперед, стараясь не думать.

Я пытаюсь увидеть птишку и убедиться, что её голова всё ещё на плечах, но мне не разрешают навестить её, а у меня нет сил на дальнейшие расследования.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Время приобретает странный оттенок, пока однажды ко мне не приходит письмо, не знаю точно, когда, и снова передо мной появляется знак Ворона.

Мои руки уже готовы бросить его в огонь, даже не открыв, но какая-то часть меня сопротивляется. Сопротивляется, потому что сделать это сейчас означало бы признать, что ничего из того, что я сделала, ни одна из ужасных и отвратительных вещей, не имели смысла.

Ещё раз. Ещё один раз, говорю себе.

Я вскрываю конверт и читаю приказ:

Служанка Брисеида должна умереть. Яд не подходит.

Стражники охраняют покои Лиры, когда я прохожу мимо. Я замечаю, что дворец всё ещё охвачен волнением. Возможно, из-за мятежей, в которых замешана одна из капитанов армии. Возможно, из-за слухов, циркулирующих о причастности невесты наследника к этим событиям.

Позже, говорю себе. Позже я разберусь с этим.

В любом случае, эта суматоха мне на руку.

На этот раз я не принимаю другой облик и остаюсь в теле Даны. Мысль о превращении слишком болезненна. Если уже сейчас сложно носить этот маскарад, то мне даже не хочется представлять, что значило бы превратиться в кого-то другого; в человека, которого я не знаю и никогда не узнаю, который не имеет ко мне никакого отношения.

Я веду себя безрассудно, и мне всё равно.

Я знаю Брисеиду. Хотя мы почти не разговаривали, она всегда была ко мне дружелюбна. Я знаю, что она служит при дворе Эреи на год дольше меня, служит знатной даме, и что за всё это время никто не упрекал её ни в чем настолько серьёзном, чтобы об этом появились слухи, которые я всегда стараюсь уловить.

Я не могу представить, почему её хотят убить.

Может быть, она увидела то, чего не должна была видеть, или услышала то, что ей не следовало слышать.

Нахожу её не сразу. Уже поздно, и она занята своими делами, как мне говорят. Поэтому я жду, но не остаюсь на месте. Нет. Я не могу стоять на месте, потому что если останавлиюсь, мысли вернутся: Тристан, жрец, Эрис, даже моя наставница, учителя Ордена, остальные Вороны... Поэтому я не стою на месте и слоняюсь, словно беспокойный дух, пока Брисеида не заканчивает свои дела и не направляется по коридору в свои покои.

Я следую за ней по лестнице, по следующему коридору, поворачиваю туда, куда поворачивает она, и не останавливаюсь, пока она тоже не останавливается, оборачивается вдруг, и мне приходится прятаться.

Она поняла. Она услышала, что я следую за ней, хотя я старалась быть осторожной.

Тогда я принимаю решение.

Делаю вид, что бегу, задыхаясь, и выбегаю к ней навстречу.

— Брисеида! — восклицаю радостно. — Наконец-то! Я пыталась догнать тебя целую вечность.

Брисеида, слегка удивившись, смягчает выражение лица. Она в простом светло-зеленом платье, светлые волосы собраны на затылке, хотя несколько прядей выбились из причёски, обрамляя её лицо.

— Дана, — здоровается она, явно помня меня. — Вам что-то нужно?

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

— Поговорить с вами, — отвечаю с легкой неуверенностью. — Вы, должно быть, слышали слухи о моей госпоже. Мне нужна ваша помощь.

С какой легкостью ложь срывается с моих губ — это абсурдно. Ложный тон возникает сам по себе, как и выражение обеспокоенности на моем лице. Я становлюсь совершенно другим человеком, действую без размышлений. Каждый жест, каждое слово, каждый вдох — это делает кто-то другой за меня. Не я.

— Не понимаю, чем могу помочь, — отвечает она с робкой улыбкой.

Мое тело продолжает действовать, говорить, придумывать... Я вижу себя со стороны, будто выхожу из собственного тела и наблюдаю, как убеждаю её, как Брисеида приглашает меня в свои покои, совершенно не подозревая, что выпускает волка в овчарню.

Это ощущение ужасает меня, и я заставляю себя сосредоточиться. Вонзаю ногти в ладонь, кусаю губу, пока не почувствую вкус крови, и боль возвращает меня в реальность.

Брисеида предлагает мне бокал, и я уже собираюсь отказаться, но понимаю, что это дает мне несколько ценных секунд, и принимаю предложенное питье.

Она отворачивается к маленькому столику в гостиной и начинает наливать напиток.

— Что, собственно, произошло? — интересуется она. — С вами всё в порядке?

Сердце сжимается, когда я понимаю, что её беспокойство искреннее несмотря на то, что она почти меня не знает. Но я решительно не позволяю себе думать, задавать вопросы. Отвечаю уклончиво лишь для того, чтобы отвлечь её, и опустошаю себя изнутри.

Скульптура из камня, блок льда, пустая страница. Я становлюсь этим, делаю шаг вперед, вынимаю кинжал и молча обещаю себе, что всё закончится быстро.

Кладу руку ей на плечо, готовясь перерезать ей горло сзади. Но я не успеваю это сделать, потому что Брисеида кладёт руку поверх моей, сжимает её и разворачивается с неожиданной силой; одним ударом в запястье выбивает кинжал из моей руки.

Она пытается удержать меня. Она выше и с легкостью хватается за предплечья, но я быстра. Высвобождаюсь и бью её в бок, и она тут же приходит в себя, чтобы в ответ ударить меня по лицу так, что перед глазами вспыхивают звезды.

Эти движения, этот бой удерживают меня в настоящем моменте, и я понимаю, как легко поддаться инерции, как просто продолжать удары один за другим, будто это не что иное, как тренировка в Ордене, и будто результат всего этого — не смертельная схватка, а ещё один рейтинг в испытаниях.

Я не позволяю себе думать иначе. Я не позволяю себе осознавать реальность.

Я хватаю Брисеиду за волосы, и она кричит, вырывается и подсекает меня ногой, сбивая на пол.

Она хватается за горло. Сжимает.

И в моей голове звучит голос — одновременно старый и молодой, глубокий и мягкий, шершавый и сладкий:

Остановись.

Я бью её коленом в живот, её силы ослабевают, но я не могу полностью освободиться. Я снова тянусь к ней, и она отвечает ударом в челюсть, не слыша голоса, который теперь звучит громче:

Остановись.

Но я не останавливаюсь. Я не думаю.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Удар за ударом бой близится к концу.

Брисеида извивается, тянется, и, несмотря на мои попытки остановить её, ей удается схватить кинжал, который я уронила.

Остановись!, кричит кто-то, или что-то.

Я поворачиваю голову в сторону, туда, где проходит незримая грань между этим миром и следующим. Там, застыла в бездне невозможного, вытянутая, узкокостная, пугающая фигура смотрит на меня двумя глазами, полными тьмы.

И я знаю, что это Эрио, смерть.

Брисеида поднимает кинжал, не замечая темное существо, что пришло за мной. Я поднимаю руку, чтобы остановить её, и едва удерживаю на мгновение, в который успеваю задуматься — а может, не так уж плохо позволить ей это сделать.

Не будет больше миссий, не будет приказов. Не будет больше боли.

Один кинжал, который положит конец всему, смерть, которая наконец освободит меня.

Моя рука слабеет. Лезвие нависает надо мной.

Если ты это сделаешь, ты больше её не увидишь, предупреждает меня Эрио.

И что-то взрывается в моем сердце.

Я думаю об Амите, о её улыбке и обо всем, что я готова отдать, чтобы увидеть её хотя бы ещё раз.

Я напрягаюсь, останавливаю руку Брисеиды. Поднимаю колено и бью её в живот — удар едва доходит до цели, но этого достаточно, чтобы сбить её концентрацию. На мгновение ослабляю её руку, что держит кинжал, и, прежде чем она снова замахнется, бью её по подбородку. Я выгибаюсь, срываю дыхание от усилия, потому что моё тело всё ещё болит после побоев Эриса, но мне удастся выскользнуть из-под неё.

Эта будет последней. После Брисеиды — всё. Конец.

Я найду Амигу. Найду и уговорю её сбежать вместе.

Мне удастся прижать Брисеиду к полу. Я с силой сжимаю её плечи, не давая ей двигаться.

У нас был шанс, когда одну из соперниц Амиды выбрали для подмены, а ей самой поручили другое задание.

Мы поняли, что больше не увидимся, и она спросила меня, на что я готова пойти, чтобы этого не произошло.

Тогда я не нашла в себе смелости ответить правду.

Я не была достаточно храброй, чтобы представить жизнь вне Ордена.

Но сейчас — я готова.

Я наношу ей удар, который оглушает её, отбираю кинжал, крепко его сжимаю и поднимаю над ней.

Остановись, вновь шепчет Эрио мне на ухо.

У меня нет времени задумываться, почему смерть всё ещё говорит мне не убивать, если я уже решила жить.

Ещё один раз, прошу я её. *Позволь мне жить, чтобы увидеть её хотя бы ещё раз*, молю я.

Сделка заключена, дочь Мари, — бормочет голос, сотканный из вечности и кошмаров, и моя рука находит силы вырваться из её хватки и вонзить кинжал прямо в сердце Брисеиды.

Её глаза широко раскрываются на миг, руки безвольно опускаются по сторонам тела. Кровь начинает сочиться из раны.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

А затем Брисеида начинает меняться.

Её светлые волосы становятся каштановыми, её глаза приобретают теплый карий оттенок, а в полуоткрытых губах я замечаю милый зазор между передними зубами.

Моё сердце замирает.

Руки дрожат, что всё ещё сжимают, кинжал, пронзившем сердце, которое я любила.

Амита.

Нет. Нет. Нет.

Я пытаюсь проснуться. Сжимаю глаза изо всех сил, но ничего не происходит.

Это не может быть реальным.

Я вынимаю кинжал из её груди и пытаюсь остановить кровь руками. Кровь Амиты струится сквозь мои пальцы, пока я пытаюсь осознать неосознаваемое, принять то, что невозможно принять.

Тёплая рука касается моей щеки.

— Почему? — шепчет она, её голосом, голосом Амиты.

В своём потрясении я не могу понять, спрашивает ли она, почему я её убила, или почему пытаюсь теперь спасти.

Слов не хватает.

Я сжимаю её руку, обхватываю её хрупкие пальцы в отчаянии. Кровь из раны продолжает вытекать, унося её жизнь, всё вокруг покрывается красным.

Её губы дрожат, когда она их приоткрывает, когда на них появляется грустная улыбка.

— Я не хотела умирать, будучи другой, — бормочет она.

Её рот тоже наполняется кровью. Её зубы, некогда белые, теперь выглядят как ужасная насмешка, как зловещая улыбка.

Она моргает раз, затем другой. Из её рта вырывается глухой звук, жалобный стон, а затем её глаза начинают закрываться.

— Нет, — всхлипываю я. — Нет...

Я отпускаю её руку, которая безвольно падает на пол, и снова пытаюсь остановить кровь, сжимаю рану, неистово, и вдруг понимаю что-то. Понимаю, что она не знает, кто я. Она не знает, что это я её убила, но также не знает, что не уйдёт одна.

Я меняюсь. Со всеми последствиями. Я возвращаюсь в своё настоящее обличье — с теми чёрными волосами, которые она гладила, с теми щеками, которые она заставляла краснеть, с теми губами, которые она целовала...

— Амита, — шепчу я. — Амита, я не знала. Прости меня. Прости меня, пожалуйста. Амита...

Но Амита не открывает глаза.

— Амита?

Я нежно глажу её щеки, и глубокий ужас пронзает меня, когда я вижу следы крови, которые оставляю на её лице.

Она не могла умереть. Не сейчас; не могла уйти, думая, что одна, думая, что больше никогда не увидит меня.

— Нет. Амита. Нет. — Я трясусь её, кладу руки на её грудь, на руки, на лицо... — Амита...

И правда пронзает меня, раскалывает пополам и ломает.

Я сама попросила Эрио позволить мне увидеть её в последний раз... и он исполнил это.

Паула Гальего - Все Темные Секреты
Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Теперь я жива, Амита лежит в моих руках, и мы больше никогда не будем вместе.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Крик

Мой крик рвется из самых глубин, и мне всё равно, кто его услышит. Однако звук глушит нечто более мощное: оглушительный грохот стекол, разбивающихся под невидимой рукой, словно под ударом яростного ветра.

Это воздух.

Воздух, полный ярости, рвущийся из меня.

Стекла лопаются, их осколки разлетаются в пустоту, и другие крики, громче моего, начинают раздаваться в коридорах и снаружи, за окнами. Я не поднимаюсь, чтобы увидеть, куда докатилась волна разрушения моего гнева. Это не имеет значения.

Я держу Амиту за руки, затем кладу ладони на её грудь.

Закрываю глаза и всей душой желаю остановить кровотечение, залечить рану, вернуть её к жизни...

Я не делала этого раньше, но делала нечто подобное. Мы поняли, как это работает, и со временем попытались вызвать магию намеренно: цветы, прорастающие из пустоты, бури, возникающие ниоткуда, порывы ветра, что трепали нам волосы...

Я всё ещё вижу её там, среди деревьев, где солнечные лучи касались её лишь в редких местах, как она кружится, позволяя себя ласкать призрачному ветру. Её распущенные волосы разлетаются вокруг, листья поднимаются вихрем у её ног...

Если мы могли делать такое, то я смогу её исцелить.

Я желаю этого, как тогда, когда впервые решила захотеть то, за что, по мнению Воронов, мне суждено было оказаться в аду.

И я ощущаю, как кровь перестает течь, как плоть под порванным платьем возвращается на своё место. Теперь от раны не осталось и следа; только её чистое, невинное тело, разорванное платье и кровь, чей источник уже никто не узнает.

— Амита, — зову её с надеждой.

Но Амита не открывает глаз.

Я кладу руку на её щеку, отказываясь признать правду, отказываясь разрушить последнюю надежду.

— Амита... — прошу я, умоляюще.

Она выглядит словно спящей. В её прекрасных чертах нет и следа боли.

Я провожу пальцами по её шее, пытаюсь нащупать пульс, но не нахожу ничего. Ни биения сердца, ни шёпота жизни. Ничего.

Я поднимаюсь, шатаюсь, не понимая, что делаю, и едва добираюсь до вестибюля.

Ноги подкашиваются, воздух застревает в легких, и, в следующий миг, я падаю, и всё погружается во тьму.

Когда я просыпаюсь, я знаю, что ничего не видела во сне. На этот раз я не ушла в мир грёз или кошмаров; я осталась в тёмной и холодной пустоте, и когда возвращаюсь, остро осознаю, где нахожусь, что произошло и чей это был труп, оставленный мною в спальне.

Я рухнула всего в нескольких шагах от двери. Я не позволяю себе оглянуться и вернуться назад. Не утруждаю себя, чтобы посмотреть в зеркало, увидеть, что случилось с моим лицом, руками или одеждой.

Пусть увидят кровь, за которую им суждено умереть.

Паула Гальего - Все Темные Секреты Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Я не знаю, сколько прошло времени. Понимаю лишь, что прошло достаточно много, когда замечаю, что атмосфера вокруг изменилась.

В коридоре ни души, как и в залах для отдыха.

Вижу, как служанка убегает в противоположном направлении, но она не боится меня или моего вида. Её что-то напугало раньше.

На улице тоже никого, если смотреть из окон, как и на кухне или в прачечной. Захожу в покои Эриса, но его там нет. Конечно, это не может быть так просто.

Натыкаюсь на нескольких парней, что бегут мимо, но они не останавливаются, когда я пытаюсь выяснить, что происходит. Спустя пару попыток, молодая девушка, работающая на кухне, наконец соизволила взглянуть на меня.

Она даже не замечает крови, и это тревожит меня.

— Что происходит? От чего все бегут?

Она едва задерживается на мгновение, чтобы схватить меня за руку.

— Беги, — говорит она. — Нас убьют за то, что служили Львам.

— Кто? — спрашиваю я.

— Волки, — отвечает она. — Беги.

Она тянет меня, но я не позволяю себя утащить, и она больше не пытается. Отпускает мою руку, оборачивается и убегает.

Я иду туда, откуда она бежала, и вынуждена отступить в сторону, когда в коридоре, ведущем к тронному залу, мимо меня проносится группа солдат.

Я следую за ними.

Тишина вскоре сменяется криками, звоном стали, отчаянными приказами...

Ядвигаюсь словно во сне, ничего не имеет значения, пока не подхожу к распахнутым дверям тронного зала и не вижу солдат, Львы и Волки схлестнулись друг с другом. Охранники сражаются против людей Нириды и Кириана, которых нигде не видно. Некоторые из тех, кто носит форму Льва, также обратились против своих. Невозможно, с одного взгляда, понять, кто на чьей стороне.

Шум битвы гремит, отдаваясь эхом в пустых стенах, под высокими сводами. Трон пустует в центре зала, и у его подножия, на белом мраморе, раскинулся багровый след крови.

Тогда я замечаю тело и голову, лишённую короны.

И странное удовлетворение, смешанное с яростью того, кто пришел вторым в гонке, пронзает меня.

Они обезглавили его. Проклятому наследнику Львов отсекали голову.

И это была не я.

Я остаюсь стоять на месте, незаметной, как тень, в течение долгого времени. Лишь один из солдат Львов, только что оставшийся без противника, замечает меня. Он смотрит на меня, сжимает меч и, сделав шаг в мою сторону, даже не успевает взмахнуть клинком.

Я лишь желаю этого — и яростный порыв, такой же мощный, как тот, что разнёс стекла, отшвыривает его к ближайшей стене. Его удар приглушённый, теряется в хаосе битвы, но я слышу звук отчётливо: хруст его черепа о мрамор.

Снова, чувствуя, как магия течёт во мне, я ощущаю лёгкость, но также и усталость, словно этот дар рождается из моей жизненной силы.

Теперь здесь нечего делать — это я понимаю. Если Эрис мёртв, то в этом дворце для меня ничего не осталось.

Солдат падает, пронзённый мечом всего в нескольких шагах от меня.

Паула Гальего - Все Темные Секреты

Paula Gallego - Todos los secretos oscuros

Кто-то кричит с другой стороны зала.

Кровь заставляет одного из стражников поскользнуться и упасть рядом с обезглавленным телом принца.

И тогда я принимаю решение.

Я уничтожу Воронов.

Я лишу их того, что они жаждут больше всего: власти.

Магия горит на кончиках моих пальцев. Ярость, боль, дикая неукротимая сила.

Я понимаю, что не смогу сделать это одна, и только один человек может понять, что я чувствую. Тот, кто осмелился подвергнуть сомнению всё, ради чего мы проливали кровь и убивали, и поставил под угрозу годы работы и жертв... Только один человек осмелился отвергнуть всё, за что мы были готовы умереть.

Я поворачиваюсь.

Мне нужно найти пташку.